

Иван Неведомый

КОСМОДЕРЖАВИЕ

РУСИ

2016

Космодержавие Руси

В небольшой публицистической статье невозможно дать ни исчерпывающего представления о заявленном в заглавии понятии, ни его глубокого обоснования, ни тем более, детальной разработки всего комплекса мер, связанных с реальным воплощением стоящей за этим понятием концепции жизнеустройства.

Так что, настоящая публикация — это лишь скромное приглашение к размышлению о возможной альтернативе зашедшему в тупик т. н. “западному пути развития”. Именно поэтому в нашем изложении мы сознательно упрощаем всё, что можно упростить, и оставляем за его рамками всё, что требует отдельного обсуждения.

Итак, приступим.

I. Основные термины

Как известно, “**космос**” (оригинальное написание: *κόσμος*) -- слово греческое, обозначающее **порядок, строй, мир** — изначально является термином древнегреческой философии для обозначения **мира как упорядоченного, организованного и единого целого, возникшего из первородного хаоса**. И если для нас “космос” чаще всего ассоциируется с представлением о внеземном пространстве, то для античных греков он обозначал порядок, организованность, гармонию, совершенство и красоту.

Такое понимание “космоса” унаследовал и **космизм** — “ряд религиозно-философских, художественно-эстетических и естественнонаучных течений, в основу которых положены представления о космосе как о структурно-организованном упорядоченном мире и о человеке как о “гражданине мира”, а также о микрокосмосе, подобном макрокосмосу.”

Особого внимания здесь заслуживает, конечно, “**Русский космизм**” — “течение русской религиозно-философской мысли, основанное на **холистическом** мировоззрении, предполагающем **телеологически** определённую эволюцию Вселенной. Характеризуется осознанием всеобщей взаимообусловленности, всеединства; поиском места человека в Космосе, взаимосвязи космических и земных процессов; признанием соразмерности микрокосма (человека) и макрокосма (Вселенной) и необходимости соизмерять человеческую деятельность с принципами целостности этого мира. [...]

Исследователи отмечают разнообразие и условность классификаций этого феномена по двум причинам: все “космисты” были одарены талантами в

различных сферах культуры и являлись оригинальными мыслителями, создававшими достаточно независимые системы, требующие индивидуального анализа. [*Стоит упомянуть здесь имена лишь некоторых выдающийся русских учёных: Константин Эдуардович Циолковский, Владимир Иванович Вернадский, Александр Леонидович Чижевский, Иван Антонович Ефремов — И.Н.*]

Некоторые философы находят созвучие главных принципов философии космизма со многими фундаментальными идеями современной научной картины мира и их позитивный потенциал для разработки новой метафизики как философского основания нового этапа развития науки. Сторонники видят актуальность идей космизма в разрешении вызовов современности, таких как проблемы поиска нравственных ориентиров, объединения человечества перед лицом экологического кризиса, преодоления кризисных явлений культуры. Приверженцы считают космизм оригинальным плодом русского разума, существенной частью ‘русской идеи’, специфически национальный характер которой предполагается укоренённым в уникальном русском архетипе ‘всеединства’.” (Wikipedia)

Итак, в общих чертах мы показали, что как философское понятие “космос” и все его производные, в особенности “русский космизм” толкуют о красоте и гармонии, т. е. о “прекрасном”. Давайте теперь попробуем поглубже разобраться и с этим, весьма насыщенным различного рода представлениями, понятием.

В “Энциклопедии Культурологии” находим следующее определение:

“Прекрасное — одна из главных этно-социо-исторически детерминированных категорий классической эстетики, характеризующая традиционные эстетические ценности, выражающая одну из основных и наиболее распространенных форм неутилитарных субъект-объектных отношений, генерирующих в реципиенте эстетическое наслаждение и комплекс вербально-смысловых образований в семантических полях совершенства, оптимального духовно-материального бытия, идеала и идеализации.

Наряду с благом и истиной ‘прекрасное’ — одно из древнейших сущностных понятий культуры, богословия, философской мысли. В имплицитной эстетике с древнейших времен термины ‘прекрасное’ и ‘красота’ употреблялись в контекстах космологии, метафизики и богословия практически — как синонимы, хотя, ‘прекрасное’ чаще использовалось в качестве широкой оценочной категории, а ‘красота’ — для обозначения совершенства универсума и его отдельных составляющих, т. е. носил пра-онтологический характер.” (Wikipedia)

Несмотря на большое количество опечаток и неточностей в цитировании иностранных высказываний, обнаруженных в online-версии этой статьи, мы настоятельно рекомендуем всем ознакомиться с её содержанием *полностью* для лучшего понимания *наших* рассуждений.

Здесь же отметим лишь несколько необходимых для ясности *нашего* изложения моментов. В упомянутой статье из “Энциклопедии Культурологии”, кроме всего прочего говорится:

— “<Начиная> с Сократа античная эстетика отходит от древнего космологизма; афинский мудрец первым поставил проблему ‘прекрасного’, как проблему сознания, разума; для него красота из вещи или её характеристик превратилась в идею, понятие *‘прекрасного’*. Сократ вывел на философский уровень и такую специфически античную категорию, как *‘калокагатия’*, которая использовалась в пограничной сфере этико-эстетических представлений, то есть служила характеристикой *идеального человека*, рассматриваемого как некая *духовно-материальная целостность*. [Это слово по-русски можно, пожалуй, выразить как ‘прекрасно-добрие’ или, точнее, как ‘прекрасно-добронравие’, т. к. греч. *καλοκαγαθία*, от *καλός* – прекрасный и *ἀγαθός* – хороший, нравственно совершенный — **непереводимый термин античной эстетики, обозначающий гармонию внешнего и внутреннего, которая является условием красоты индивида.** — И.Н.]

У Сократа ‘калокагатия’ стояла на одном уровне с мудростью и справедливостью и обнимала *весь комплекс нравственных добродетелей, сопряженный с эстетической восприимчивостью*. Платон понимал калокагатию как *соразмерность души и тела*. Одно из его определений гласит: *‘Калокагатия есть способность избирать наилучшее’*. Согласно Аристотелю, *быть калокагатийным означает быть и прекрасным во всех отношениях, и добродетельным.*”

— “Итоги античной эстетики подвел Плотин в двух специальных трактатах ‘О прекрасном’ (En. I 6) и ‘О мысленной красоте’ (En. V 8). Согласно его концепции, *красота пронизывает весь универсум и является показателем оптимальной бытийственности всех его составляющих. Чем выше уровень красоты, тем выше уровень бытия.*”

— “Готфрид Вильгельм Лейбниц в общем контексте своих философских штудий определял красоту как *принцип ‘совершенно соответствия’*, на основе которого Бог сотворил мир истинно сущего как *‘гармонически упорядоченное единство в многообразии’*. Его формула *‘единство в многообразии’ (Die Einheit in der Vielheit)* станет на столетия удобным клише для определения прекрасного в школьной эстетике. отождествление прекрасного с совершенством также займет видное место в философии красоты. На нём, в частности, основывали своё понимание прекрасного

Христиан фон Вольф и его ученик Александр Готлиб Баумgarten, основатель науки эстетики, Шарль Баттё и другие. Баумgarten, разделяя красоту на природную и художественную, понимал ее как *‘совершенство явленного’* (perfectio phaenomenon); для Баттё прекрасное — *‘чувственно постигаемое совершенное’, основанное на гармонии, мере, ритме, порядке. Способность ‘любить порядок’, замечать, находить, одобрять прекрасное Баттё называл врожденным вкусом.*”

— “Николай Гаврилович Чернышевский, полемизируя с гегельянской эстетикой (ее пониманием ‘прекрасного’ как *‘равновесия идеи и образа’*), выдвинул и попытался обосновать в своей диссертации ‘Эстетические отношения искусства к действительности’ (1855) тезис: *‘Прекрасное есть жизнь’, когда мы находим ее такую, ‘какова должна быть она по нашим понятиям’; ‘прекрасное то, в чём мы видим жизнь так, как мы понимаем и желаем её, как она радует нас’.* Отсюда природная красота оценивается им выше художественной, а субъективный фактор играет в определении красоты не меньшую роль, чем объективный. Владимир Сергеевич Соловьёв, во многом поддерживая Чернышевского, в русле своего неоплатонически-христианского мировоззрения считал красоту важнейшим показателем реализации постоянно длящегося процесса божественного творения бытия — преодоления хаоса путем воплощения идеи. Красота *‘есть идея действительно осуществляемая, воплощаемая в мире прежде человеческого духа’; ‘преображение материи через воплощение в ней другого, сверх-материального начала’.* Сущность искусства Соловьёв видел в красоте, как *‘ощутительном проявлении истины и добра’* и ‘высшую задачу искусства’ определял как *совершенное воплощение ‘духовной полноты в нашей действительности, осуществление в ней абсолютной красоты или создание вселенского духовного организма’.*”

II. “Живое” и “мёртвое”

Итак, на пути осмысления **“прекрасного”** человеческая мысль эволюционировала от понимания **“космоса”** как упорядоченного, организованного и единого целого к **“космизму”**, где в структурно-, рационально- и благо-упорядоченном мире **“человек — гражданин этого мира”**, ответственный не только за себя — свой **микрокосмос**, но и за всю вселенную — **макрокосмос**.

Казалось бы, все эти выводы будут поняты одинаково любым здравомыслящим человеком, вне зависимости от его укоренённости в той или иной культуре, приверженности той или иной культурной традиции.

Тем не менее, пристальный наблюдатель ясно видит, что представление о **“прекрасном”** радикально разнится на т. н. “Западе” [*далее без кавычек*] и в России по одному, едва уловимому, но на наш взгляд, *ключевому признаку*, а именно: Запад фактически возвёл в ранг некоего “общеупотребительного стандарта” понимание красоты как **“чувственно постигаемого** совершенного, гармонически упорядоченного единства в многообразии, основанного на мере, ритме, порядке”, причём саму “способность любить, замечать, находить, одобрять прекрасное”, именно как **умопостигаемый порядок**, назвал **“врожденным вкусом”**.

В русской же культуре **“прекрасное”**, в целом подчиняясь тем же принципам **совершенства в единстве, мере, ритме и порядке**, всегда остаётся “непостижным умом”, хотя и вполне поддаётся не только **интуитивному восприятию**, но **творческому развитию**, причём именно через **духовность**, вплоть до **“совершенного воплощения духовной полноты в нашей действительности, осуществление в ней абсолютной красоты или создание вселенского духовного организма.”**

Для наглядности упростив всё многообразие пониманий **“прекрасного”** в Западной и Русской цивилизациях до неких ёмких образов, представим подмеченную нами принципиальную разницу представлений, как различие между **“не-живым”** и **“живым”**.

В рамках этой аллегии, **“прекрасное” для Запада** подобно хорошо сделанной, безусловно совершенной **супермашине**, где всё подчинено диктату сверх-рационального, всезнающего, но мёртвого **искусственного интеллекта**. Тогда как русскому миропониманию более соответствует образ могучего, идеального по форме и духовно-интеллектуальной организации **живого существа**, где всё находится в постоянном развитии и самокоординирующемся взаимодействии посредством коллективного над-материального разума, являющегося результатом **симфонии** или **синергитического** взаимодействия индивидуальных интеллектов всех участников процесса.

При этом в образе *супермашины* всякий её элемент максимально безлик, стандартизирован, заменим и, в конечном счёте, подлежит уничтожению, согласно неумолимой логике дальнейшей оптимизации узлов системы, вплоть до её полной самоликвидации. Ибо в рамках *этой* логики достижения “прекрасного”, “совершенство” как полное соответствие формы содержанию достигается только в точке абсолютного нуля, т. к. “раскрутка” идеи “машина ради машины” в конечном пределе своего развития приводит к генерированию некоего предмета абсолютно простой формы с нулевой массой, температурой и пр. параметрами, т. е. некоему абсолютному “ничто”.

Н.В. Мысль об устремлённости “машины ради машины” в конечном пределе своего совершенствования к абсолютному “ничто”, хотя и противоречит привычным представлениям о всё усложняющейся технике, может найти некоторую опору в том, что именно управление техникой уже сейчас, в рамках современных нам прогнозов и устремлений, “в идеале” сводится к “управлению” одной кнопкой “вкл./выкл.”, а то и вовсе отказывает человеку в каком-либо участии. Перефразируя Маркса: в социуме организованном по принципу и в логике супермашины, Человек “отмирает как класс”, причём задолго до того, как машина, исчерпав все доступные ресурсы, “сообразит”, что оптимальным решением максимального энергосбережения является полная самоликвидация. — Таким образом, коллективный Запад по т. н. совокупному вектору своего развития несомненно является “цивилизацией смерти”. Примечательно, что это выражение введено в широкий оборот именно римским папой (Иоанном-Павлом II), словно признание победы демонических сил над утрачивающим свою христианскую духовность западным миром.

В полную противоположность этому в образе *живого организма* — каждый его элемент индивидуален, неповторим, трудно заменим и призван к бесконечному развитию... По меньшей мере, до тех пор, пока это развитие идёт в логике *здоровой жизни организма*, т. е. на благо, а не во вред ему как целому. Так, например, чем больше веток и листьев на дереве, чем оно выше и шире разрослось, тем лучше всему дереву. Но если на дереве появился паразит, то от него нужно избавляться, пока зараза не охватила всё растение. И иммунная система *разумного и здорового* организма делает всё возможное, чтобы сохранить жизнь *целого*, даже если для этого придётся отторгнуть поражённую болезнью *часть*.

Здесь очень важно понимать, что наши аналогии иллюстрируют именно “доведённое до логического конца” *целеполагание* (“вектор цели”) такого жизнеустройства, которое исходит из стремления к *так* или *иначе* понятому идеалу *абсолютного совершенства*.

Поэтому, очевидно, что вектор “чисто механического” освоения окружающего мира ради обеспечения лишь материальных потребностей (т. н.

утилитарный подход к окружающему миру) направляет человека на путь уподобления и/или подчинения *мёртвой машине*, неминуемо стремящейся в абсолютном пределе своего развития к полному самоуничтожению, как было показано ранее.

Так западный, исключительно материалистически мотивированный человек, несмотря на все свои лицемерные *“игры в защиту природы”*, в принципе не приемлет мысль о *необходимости со-существования со всеми элементами “большого мира”*, в котором человеку нужно *осознать* своё место, вписаться в него, став ЧАСТЬЮ общей гармонии, подчиняясь *превышающим человеческий разум законам мироздания*. Увы, он (этот западный человек) возомнил себя царём природы и *ломает*, выстраивает окружающий мир “под себя” на том уровне, как ОН это считает *“полезным”*. Более того, различные человеческие сообщества тратят невероятное количество времени и ресурсов в соперничестве друг с другом, отстаивая право и возможность именно такого “строительства”. В итоге, *мы имеем “войну всех против всех” в безумных попытках покорить Вселенную*.

Россия в этой системе на протяжении веков вынуждена постоянно сражаться не столько за место под Солнцем, сколько за само право на существование. Отдельные попытки некоторых людей во всём мире предложить альтернативный сценарий развития наталкиваются на непонимание или жёсткое подавление со стороны “царей природы”, маниакально озабоченных лишь удовлетворением своих растущих потребностей и проведением всё новых витков “оптимизации” лишних едоков.

К счастью, всё большему количеству людей на планете становится ясно, что это тупиковый путь. И по нашему глубокому убеждению, именно Россия, благодаря своим специфическим культурно-историческим и мировоззренческим особенностям, не просто способна *предложить* миру реальную альтернативу, но и *отстоять* её в противоборстве с пресловутым “западным путём развития”.

Более того, в силу сложившихся обстоятельств, именно сейчас Россия получает шанс возглавить человечество на пути создания *принципиально новой цивилизации*. Во главу которой может быть поставлен принцип, который мы и называем КОСМОДЕРЖАВИЕМ.

III. Космодержавие

Итак, более или менее разобравшись с тем, что вслед за древними философами и русскими “космистами” мы вкладываем в понятие “*космос*”, поясним наш неожиданный, парадоксальный скачок от *греческого* к *русскому* во второй части вводимого нами термина.

Почему же наиболее адекватным для выражения сути нашей идеи представляется именно составное слово “*космо-ДЕРЖАВИЕ*”, а не, скажем, “*космократия*” или “*космархия*” (см. греч. κράτος — сила, господство, власть или ἀρχή — правление, господство, начало, власть).

Прежде всего, дело в том, что в отличие от аналогичных понятий, например *демо-кратия* (*народо-властие*) или *мон-архия* (*едино-властие*), где первая часть слова выступает в качестве императива, указывающего на то, *кто* собственно является носителем “*силы, господства, власти...*”, в *нашем* случае “*космос*” — *это не то, что действует, а то, что подвергается воздействию*.

Здесь стоит обратиться к само-собой возникающей ассоциации со словом “*самодержавие*”. “К сожалению, нередко при анализе *самодержавия* допускаются размытые или поверхностные определения, приводящие к последующим концептуальным ошибкам. [...] При определении *самодержавия* нужно исходить из этимологии этого слова. Самодержавие, буквально, — это то, что само себя держит. В русском языке глагол “держать” и производные от него имеют множество смыслов. Самодержавная монархия *держит* (имеет) *власть*, *придерживается* (следует) *законам и традициям своего народа*, *содержит* *вверенную ей миссию в порядке*, *поддерживает* “*честно и грозно*” (по словам царя Ивана IV) *авторитет своей страны в мире*, *удерживает* (*предотвращает*) *зло и, в отличие от абсолютизма (не говоря уже о тоталитаризме), сама сдерживается* (самоограничивается). [...] Анализ явления и его осмысления в историческом развитии позволяет очистить термин от наслоений и искажений смысла и утверждать: *самодержавие означает, не более и не менее, самодостаточность, самостоятельность и независимость.*” [А.Н. Закастов, “Социокультурный суверенитет исторических институций: истоки и современность”]

Далее, если бы стояла задача оставаться в рамках лингвистического единства, самым точным термином было бы пожалуй нечто вроде “*космонаптикс*” (от *κόσμος* — *порядок, строй, мир, гармония...* и *ἀνάπτυξη* — *развитие, рост*). Но нам такой неологизм кажется весьма неудачным, причём не только по слишком близкому созвучию с привычным русскому уху словом “*космонавтика*” (где *κόσμος* — *вселенная* и *ναυτική* — *искусство мореплавания, кораблевождение*), но и по неполноте, неточности и слабости смысловой нагрузки греческого слова *ἀνάπτυξη* по сравнению с глубоко-содержательным, всеобъемлющим и наиболее точным по сути русским словом “*держава*”.

Напомним вкратце, что слово “**держа́ва**” (от др.-рус. “**дръжава**” — владычество, могущество) сегодня понимают прежде всего в политическом смысле, как *независимое государство, имеющее влияние в международных делах* или просто как *государственная власть, владычество вообще*: “*Конечно, царь, сильна твоя держава*” (А. С. Пушкин). Некоторые знают что “**держава**” — это ещё и “*золотой шар с крестом наверху, служивший эмблемой власти монарха*”, а также что “**державой**” могут называть “*приспособление для удержания чего-нибудь, напр. металла при обработке*”.

Понятна этимология этого слова, особенно в контексте того, когда говорят, что нужно “**держаться** заданного курса, **держаться** в рамках определённых принципов, традиций, основ” и т.п. Отсюда же следует представление о “**Державе**” как таком общественном укладе, при котором единство народа удерживается его **духовностью**.

Т. о. главным фактором удержания “*...совершенного, гармонически упорядоченного единства в многообразии, основанного на мере, ритме, порядке*” в итоге оказывается не грубая сила принуждения, не *крáτος* (сила, господство, власть, в их политическом смысле деспотического правления), а именно **духовное начало**, сознательно направленное на созидание “**абсолютной красоты или создание вселенского духовного организма**”.

Т. о. “**космо-державие**” — это *господство* соборного духовного начала в благоустройстве мира согласно принципам красоты и абсолютного совершенства живой, бесконечно развивающейся *вселенной*. **Человек-космодержец** при этом озабочен не просто *удержанием* себя и окружающего пространства в рамках так высоко понятого предназначения, но и *развитием* в русле здравомыслия ради вселенского блага.

Такое благо-устройство, основанное не на подчинение других и самой природы принципам “*мёртвой машины*”, а на органическом развитии в оптимальном взаимодействии со всем сущим по принципам красоты самой жизни и можно назвать *вектором космодержавия*.

Первой ласточкой *русского космодержавия* можно считать концептуальные предложения В. В. Путина по развитию природоподобных технологий.

Что же касается взаимодействия между людьми, и здесь Россия тоже может предложить свой богатый опыт жизнеустройства на принципах справедливого коллективизма, где отдельные личности не подавляются, но их потенциал многократно усиливается за счёт синергитического эффекта и ориентации на идеал.